

халаты насели на них черной стеной. ...Черные халаты стали полукругом [В ночь на 3-е число]. Двое были в сером, один в черном с рыжим портфелем [Четыре портрета]. Он [дух] был кожаный. Весь кожаный, начиная от фуражки и кончая портфелем. Мало того, он был не один... серая шинель, еще шинель [Спиритический сеанс]. Медные шлемы ударили штурмом на левое крыло [№13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна].

Таким образом, М.Булгаков в портретном описании активно обращается к деталям одежды. Его герои следуют русской поговорке «встречают по одежке»: используют одежду, чтобы произвести впечатление (“женщина в *шеншелях*”, “закутанный в *шубу*, высадился дорогой гость”), или, наоборот, чтобы с помощью невзрачности одежды, ее повседневной, будничной привычности, защититься от повышенного внимания (“хозяин, накинув вместо *пиджака* измызганный *френч*, впустил трех”). В свою очередь, читатель перенимает эту психологию и вначале судит о героях исходя только из их внешнего вида. Затем он может изменить свое мнение, но первое впечатление четко основано на том, что читатель видит перед собой.

Стоит отметить, что внешность, данная автором, почти всегда соответствует самому человеку, автор словно делится с читателем истинным (объективным) видением ситуации (авторское всеведение прорывается в описании персонажа). Подобный прием оставляет свой след в восприятии как самого героя, так и рассказа в целом.

Титянин К.А.

Каменец-Подольский педагогический университет

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ В ПРОЗЕ ЧЕХОВА В ГРАНИЦАХ ОТНОШЕНИЙ “ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ-ПЕРСОНАЖ”

В многочисленных работах последних лет о библейском мотиве в творчестве Чехова применяют культурно-исторический и сравнительный (в широком смысле) подходы (напр., В.Ялинков, Т.В.Лебедева и Е.А.Ховрина, А.С.Собенников и мн. др.). При этом особенности чеховской адогматической идеи (религиозной идеи) для такого рода работ не столь важны: они обращены к контексту идей и этим по-своему решают проблему их неоднозначности у Чехова. В нашей работе мы пытаемся добиться наиболее непротиворечивых результатов и для этого не расширить, а сузить пределы интерпретации с помощью пары “повествователь-персонаж”. Эти наиболее важные субъекты идейного мира

произведения могут в своей устойчивой соотносительности образовывать в структуре произведения неотменяемый смысл. Естественно, работа такого рода будет иметь лишь подготовительный характер для идейной интерпретации функций библейского мотива в прозе Чехова (таким мотивом мы называем всякое идейно значимое использование элементов библейского культурного слоя, не учитывая, напр., случаи речевого автоматизма в использовании слова “Бог”).

В нашем случае все отношения “повествователь-персонаж” могут быть сведены к трем видам:

I. Повествователь занимает доминирующее положение по отношению к сознанию персонажа.

При этом он может комментировать религиозное высказывание персонажа на философском (экзистенциальном) уровне, отменять смысл слов персонажа (нами отмечен 1такой случай), косвенно подвергать сомнению его слова, косвенно удостоверять их и, наконец, давать совершенно однозначную и в этом смысле авторитарную нравственную оценку персонажу, напр., “несчастные эгоистичны, злы...” (“Враги”).

В этом последнем случае слова повествователя лишь теоретически соотносятся с библейскими нормами, хотя соотношение это естественно даже для бытовой культуры России XIX века. В системе чеховской адогматической поэтики (А.П.Чудаков) однозначные суждения-оценки следует считать, на наш взгляд, “необязательными”. Ведь повествователь, как и персонаж, может позволить себе даже догматическое суждение, его авторитарная однозначность все равно отменяется общей антидогматической установкой. Однако “необязательность” эта касается только логической стороны суждения-оценки, которая может быть опровергнута в системе чеховской же поэтики, где обычно нет места нравственно однозначным персонажам. Но сама по себе моральная оценка повествователя – неизбежно субъективная – совершенно определена и несомненна, иначе Чехова вполне можно было бы отнести к постмодернистам с их принципе размытыми ценностными критериями.

II. Повествователь отказывается от комментария слова (деяния, мысли) персонажа.

Без комментария могут оставаться одиночные высказывания на религиозную тему, высказывания, противоречащие друг другу. Особая форма отказа от комментария – эстетизирование предмета, то есть использование на фоне жизнеподобной образности его эстетически отрешенного восприятия.

III. Повествователь и персонаж мировоззренчески сближаются в высказываниях (о сущности жизни, Боге), имеющих экзистенциальный характер.

Повествователь в данном случае – обобщенная категория, проявляющая себя, напр., в роли инициатора (“публикатора”) “Записок старого человека” (подзаголовок рассказа “Скучная история”), других рассказов, где ощутима экзистенциальная тематика (“Случай из практики”, “Рассказ неизвестного человека”). Значима в этом случае частота обращения повествователя к этой теме, так как прямых, не зависимых от сознания персонажа, высказываний экзистенциального плана у него нет. (Вне художественных текстов Чехов говорит об этом в письме к А.С.Суворину от 25 декабря 1892 года).

Итак, при функционировании библейского мотива в рамках отношений “повествователь-персонаж” позиция повествователя представляется достаточно противоречивой: он и доминирует над сознанием персонажа, и сближается с ним, и отказывается от комментария его высказываний. Уже само описание этих отношений может иметь, на наш взгляд, прикладное значение в изучении поэтики Чехова.

Но более существенной представляется другая часть выводов, в которой мы предлагаем объяснение противоречивой позиции повествователя.

Сближаются повествователь и персонаж в мироощущении экзистенциальном, а у Чехова это философия вопросов, а не ответов. Отказывается повествователь от комментария противоречивых слов персонажа (противоречивых хотя бы с одной из возможных у Чехова точек зрения) по той же причине: у него нет однозначного ответа. И только в позиции доминирования над сознанием персонажа у повествователя, наряду со свойственным ему вероятностным комментарием, появляются совершенно однозначные высказывания-оценки морального плана. Мы стремились показать их внутреннюю оправданность не логикой предмета, о котором он отзывается, а высшей нравственной позицией, лишь весьма относительно связанной с предметом (см. п. I данных тезисов). Такая мысль в определенной мере сходна с предположением А.П.Чудакова о том, что позицию Чехова следует искать “вообще в другой плоскости или в другом измерении” (“Новый мир”, 1996, № 9, с.190).

(Убедительность предложенных положений можно проверить только после ознакомления с текстом доклада, где приведены необходимые цитаты).